
Научная статья

УДК 343.14

DOI 10.33184/pravgos-2022.2.14

РОССИНСКИЙ Сергей Борисович

Институт государства и права Российской академии наук, Москва, Россия,
s.rossinskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

ПРИБОЩЕНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ К УГОЛОВНОМУ ДЕЛУ: ТЕХНИЧЕСКИЙ ПРИЕМ ИЛИ ПОЛНОЦЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ЮРИСДИКЦИОННЫХ ПОЛНОМОЧИЙ?

Аннотация. Одно из актуальных направлений развития уголовно-процессуальной доктрины, совершенствования уголовно-процессуального законодательства и оптимизации правоприменительной практики связано с поиском наиболее оптимальных механизмов доказывания в целом и работы с отдельными видами доказательств в частности, балансирующими между достижениями мировой цивилизации и многолетними национальными традициями, сложившимися в сфере предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел. *Цель:* формирование научных представлений о сущности и порядке приобщения доказательств к уголовному делу как об одном из правовых механизмов их собирания, обуславливающих возможность дальнейшего развития уголовно-процессуального законодательства и оптимизации правоприменительной практики. *Методы:* диалектический метод познания как основной метод научного исследования; методы сравнения, системного анализа, историко-правовой, толкования правовых норм, а также формально-логические

методы: индукция и дедукция, анализ и синтез, аналогия и др. *Результаты исследования* позволили определить сущность и сконструировать унифицированный алгоритм приобщения к уголовному делу в качестве доказательств предметов и документов, поступающих в распоряжение органов предварительного расследования и суда как готовых информационных продуктов.

Ключевые слова: вещественные доказательства, доказательства, заключение специалиста, иные документы, истребование доказательств, представление доказательств, приобщение доказательств, собирание доказательств, средства доказывания, формирование доказательств

Для цитирования: Россинский С.Б. Приобщение доказательств к уголовному делу: технический прием или полноценный юридический механизм реализации юрисдикционных полномочий? / С.Б. Россинский // Правовое государство: теория и практика. – 2022. – № 2. – С. 131–145. DOI 10.33184/pravgos-2022.2.14.

Original article

ROSSINSKY Sergey Borisovich

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
s.rossinskiy@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3862-3188>

INCLUSION OF EVIDENCE IN A CRIMINAL CASE: A TECHNICAL METHOD OR AN EFFECTIVE LEGAL MECHANISM FOR THE IMPLEMENTATION OF JURISDICTIONAL POWERS?

Abstract. One of the topical directions of the criminal procedure doctrine development, improvement of criminal procedure legislation and law enforcement practice is associated with the search for the most efficient mechanisms of proving in general and work with certain types of evidence in particular, balancing between the achievements of world civilization and long-standing national traditions established in the field of preliminary investigation and criminal trials. The *purpose* of the study is to define scientific ideas about the nature and procedure of inclusion of evidence in a criminal case as one of legal mechanisms for their collection that determines the possibility for further development of criminal procedure legislation and improvement of law enforcement practice. The *methods* of the study include the dialectical method of cognition as the main method of scientific research, methods of comparison, system analysis, historical-legal method, method of interpretation of legal norms, as well as formal-logical methods: in-

Введение. Что такое приобщение доказательств к уголовному делу? Казалось бы, любой ученый-правовед, практический работник, студент, осваивающий образовательную программу юридической направленности, да и просто дилетант-любитель, интересующийся злободневными вопросами уголовного судопроизводства, ни минуты не раздумывая, скажет, что под приобщением доказательств надлежит понимать некие действия дознавателя, следователя или суда по включению попавшего в зону их внимания предмета или документа в общий массив материалов уголовного дела в целях дальнейшего использо-

duction and deduction, analysis and synthesis, analogy, etc. The *results* of the study make it possible to determine the essence and to design a uniform algorithm for inclusion of objects and documents in the criminal case as evidence that are available for preliminary investigation bodies and the court as ready-made information products.

Keywords: physical evidence, evidence, expert opinion, other documents, request for evidence, presentation of evidence, inclusion of evidence, collection of evidence, means of proof, formation of evidence

For citation: Rossinsky S.B. Inclusion of evidence in a criminal case: a technical method or an effective legal mechanism for the implementation of jurisdictional powers? *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2022, no. 2, pp. 131–145. DOI 10.33184/pravgos-2022.2.14 (In Russian).

вания как одного из средств процессуального доказывания.

На первый взгляд, подобный тезис представляется настолько очевидным, что феномен приобщения доказательств к уголовному делу вообще не предполагает никакой актуальности, не заслуживает пристального внимания, недостоин стать предметом серьезного научного исследования. Тем более что такое понимание напрямую вытекает из семантического толкования термина «приобщить». Филологи обычно рассматривают его в качестве синонима термина «присоединить», но употребляющегося в официаль-

ном контексте, например, в связи с включением некоего документа в некое дело¹. По всей видимости, именно по этой причине ученые-процессуалисты никогда не проявляли к данным проблемам особого интереса, никогда не ставили их во главу угла своих исследований. Указанные вопросы обычно освещались и продолжают освещаться лишь вскользь, достаточно фрагментарно и зачастую посредством банального пересказа соответствующих положений закона, например, регламентирующих порядок работы с вещественными доказательствами. Во всяком случае, автору настоящей статьи неизвестны какие-либо серьезные научные публикации, посвященные комплексному рассмотрению феномена приобщения доказательств к уголовному делу.

Однако при более глубоком осмыслении тонкостей уголовно-процессуальной доктрины и хитросплетений правоприменительной практики такое представление о сущности и содержании приобщения доказательств к уголовному делу начинает казаться весьма легковесным, поверхностным и одновременно упирающимся в никем не разрешенные противоречия. Например, не совсем понятно, почему для признания предмета вещественным доказательством и его приобщения к уголовному делу предусмотрена достаточно четкая юридическая процедура (ч. 2 ст. 81 УПК РФ), тогда как в части введения в уголовный процесс других средств доказывания (иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-разыскной или административной деятельности²) подобная формализация отсутствует. Применительно к судебному разбирательству существует лишь не вполне конкретное правило о возможно-

сти приобщения неких документов к уголовному делу на основании определения или постановления суда (ст. 286 УПК РФ), а для досудебного производства какие-либо юридические правила вовсе не установлены – указанные носители информации фактически попадают в сферу уголовно-процессуального регулирования путем технического подшивания к материалам дела.

Сущность приобщения доказательств к уголовному делу. К чему же сводится феномен приобщения доказательств к уголовному делу: к полноценным процессуальным правоотношениям, предполагающим реализацию государственно-властных полномочий дознавателя (органа дознания), следователя, суда, или к умелому использованию технических навыков по надлежащему сшиванию документов, которыми за пару дней способен овладеть любой студент, направленный в орган предварительного расследования или суд для прохождения ознакомительной или учебной практики? К великому сожалению, существующие на сегодняшний день научные публикации не позволяют получить ясный ответ на поставленный вопрос и сформировать четкое представление о сущности и содержании приобщения доказательств к уголовному делу.

Каких-либо разъяснений по данному поводу нельзя найти и в положениях уголовно-процессуального права. Законодатель вообще достаточно бесцеремонно обращается с суммарно употребленными в тексте УПК РФ более 50 раз (!) терминами «приобщение», «приобщаются» «приобщенный». Применительно к различным уголовно-процессуальным правоотношениям эти термины используются для обозначения совершенно разных по характеру и содержанию фрагментов деятельности органов предварительного расследования и суда, причем далеко не всегда связанных с введением в уголовное дело носителей доказательственной информации.

Особую остроту указанный вопрос приобретает, когда речь идет о досудебных стадиях уголовного судопроизводства, где проблемы доказывания вызывают наибольшее количество доктринальных противоре-

¹ Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка : 80 000 слов и фразеологических выражений. Москва : ООО «А ТЕМП», 2006. С. 596.

² В этой связи необходимо обратить внимание на то, что автор настоящей статьи придерживается позиции, предполагающей понимание результатов оперативно-разыскной и административной деятельности органов исполнительной власти как автономных и полноценных средств уголовно-процессуального доказывания [1, с. 79–80; 2, с. 322–323 и др.].

чий и практических трудностей. Ведь ввиду целого ряда причин¹ действующее законодательство, с одной стороны, наделяет дознавателя и следователя юрисдикционными (судебно-следственными) полномочиями по собиранию полноценных доказательств, изначально равных по юридической силе доказательствам, полученным в ходе судебного заседания, а с другой – относит досудебное производство к ведению органов исполнительной власти (должностных лиц) полицейского² либо параполицейского³ типа, осуществляющих свою деятельность преимущественно посредством камеральных (кабинетных), то есть скрытых от «публики», процедур. Однако и в части судебного разбирательства данный вопрос тоже не подразумевает особой ясности. По крайней мере, диспозиция уже упомянутой ст. 286 УПК РФ предусматривает лишь право суда исследовать и приобщать к материалам уголовного дела некие представленные или истребованные документы на основании соответствующего постановления (определения), не раскрывая ни сущности, ни содержания этих судебных приемов.

Конечно, практические работники не сильно обеспокоены указанными неясностями и противоречиями; в подавляющем большинстве случаев данные доктринальные и нормативно-правовые изъяны вообще остаются незамеченными. Ведь существующие

и вроде бы вполне пригодные для работы правила и прикладные технологии приобщения к уголовному делу различных носителей доказательственной информации воспринимаются дознавателями, следователями, прокурорами, адвокатами, судьями как само собой разумеющиеся. Именно так их учили в институтах, академиях, университетах, а после выхода на работу наставляли более опытные сослуживцы и коллеги. Любой среднестатистический представитель органов предварительного расследования прекрасно осведомлен, что документы надлежит приобщать к уголовному делу путем простого подшивания, а вещественные доказательства – посредством вынесения специального постановления. Любой судья, удовлетворяя ходатайство стороны, представившей заключение специалиста либо иной документ, обяжет своего секретаря зафиксировать в протоколе судебного заседания краткую резолюцию: «Приобщить», тогда как, принимая аналогичное решение в части вещественного доказательства, поручит написать: «Признать и приобщить».

Однако вопрос о причинах возникновения подобных процедурных расхождений в, казалось бы, весьма схожих алгоритмах приобщения к уголовному делу различных носителей доказательственной информации может ввести практического работника в состояние растерянности и даже вызвать озлобленность по отношению к очередному умнику-теоретику, морочащему занятым людям головы научными фантазиями, не имеющими никакой прикладной пользы. К слову, такие негативные эмоции зачастую вполне оправданны. Ведь в настоящее время уголовно-процессуальная доктрина действительно сильно страдает от огромного количества не предполагающих научной новизны и ценности псевдоисследований и основанных на их результатах множества публикаций (монографий, статей, диссертаций и пр.), посвященных рассмотрению и «успешному разрешению» явно надуманных, буквально высосанных из пальца проблем, обусловленных не более чем стремлением повисить наукометрические показатели и (или) получить заветную ученую степень.

¹ Причины, предопределившие формирование существующей российской системы досудебного производства, обстоятельно рассмотрены в других публикациях автора настоящей статьи [3, с. 21–46 и др.].

² В этой связи необходимо обратить внимание на то, что Следственный комитет РФ, формально не являясь органом исполнительной власти, фактически представляет собой типичный правоохранительный орган полицейского типа, типичное силовое ведомство [4, с. 64; 5, с. 18].

³ Под должностными лицами параполицейского типа автор настоящей статьи понимает капитанов судов, находящихся в дальнем плавании, глав дипломатических представительств Российской Федерации, командиров воинских частей и других субъектов, уполномоченных на возбуждение уголовного дела и производство неотложных следственных действий в условиях удаленности от «большой земли».

В силу вполне понятных причин автору настоящей статьи не хотелось бы прослыть еще одним псевдоученым, выливающим на читателей новую порцию наукообразной воды. Поэтому, приступая к освещению феномена приобщения доказательств к уголовному делу, необходимо обосновать актуальность указанных вопросов, в частности их большое влияние на правоприменительную практику. Ведь проблемы, сопряженные с сущностью и содержанием приобщения доказательств к уголовному делу, являются гораздо более серьезными, по крайней мере, по сравнению с тем, каковыми они представляются лицам, глубоко не погруженным в тонкости современной теории процессуального доказывания, особенно в контексте ее отражения в положениях действующего УПК РФ.

В этой связи разумно вспомнить о существующей научной дискуссии, ведущейся по поводу единства и дифференциации алгоритмов собирания доказательств как «первого»¹ этапа доказывания по уголовному делу, состоящего в накоплении и процессуальной легализации (процессуализации) полезной информации, подлежащей дальнейшему использованию при обосновании приговоров или иных правоприменительных решений органов дознания, предварительного следствия либо суда.

Так, многие современные ученые-процессуалисты придерживаются мнения о предполагающем процедурные варианты и оттенки (различные следственные и судебные действия, судебные экспертизы и пр.), но в целом все же едином алгоритме осуществления «первого» этапа доказывания – формирования доказательств. Под формированием доказательств понимается совокупность предусмотренных уголовно-процессуальным за-

коном познавательно-удостоверительных приемов работы дознавателя, следователя, суда, направленных на выявление представляющей интерес для уголовного дела информации и ее преобразование в один из видов доказательств, например, в показания обвиняемого или свидетеля, в протокол осмотра или обыска и т. д. Иными словами, формирование доказательств – это создание посредством процессуальной формы нового, отвечающего требованиям закона и, следовательно, пригодного для дальнейшего использования по назначению (допустимого) информационного продукта.

Возникнув в начале в 1960-х годов [6, с. 78; 7, с. 113 и др.], подобные идеи получили надлежащее методологическое обоснование и были развиты до уровня четкой научной концепции в ряде публикаций С.А. Шейфера, по праву считающегося «отцом» теории формирования доказательств. Автором было приведено множество доводов и аргументов, свидетельствующих о возможности собирания доказательств лишь в ходе предполагающих строгую процессуальную форму следственных (иных процессуальных) действий, то есть не иначе как путем формирования [8, с. 7, 15–16; 9, с. 11; 10, с. 33–34 и др.]. В настоящее время шейферовский подход к собиранию доказательств благодаря стараниям его последователей достаточно глубоко укоренился в доктрине и уже воспринимается многими авторами как само собой разумеющийся [11, с. 124; 12, с. 11 и др.].

Будучи подверженным большому влиянию профессора С.А. Шейфера, автор настоящей статьи ранее тоже активно поддерживал идеи о формировании доказательств как о едином процессуальном алгоритме осуществления «первого» этапа доказывания по уголовному делу [13, с. 86]. Вместе с тем итоги дальнейших изысканий в этом направлении предопределили понимание некоторой ограниченности шейферовской концепции, невозможности применения ее положений к механизмам собирания всех без исключения средств уголовно-процессуального доказывания. Идеи о возник-

¹ Используемое в данном случае порядковое числительное «первый» намеренно взято в кавычки, поскольку первенство собирания доказательств по отношению к другим этапам доказывания – их проверке и оценке – весьма условно. Оно связано лишь с потребностью перечисления всех этапов доказывания в каком-то логическом порядке.

новении новых информационных продуктов посредством собственной познавательно-удостоверительной деятельности дознавателя, следователя, суда по-прежнему воспринимаются как совершенно справедливые и разумные, но при этом стали представляться далеко не универсальными, подходящими не для всех, а только для некоторых доказательств: различных видов показаний, заключений эксперта, результатов (протоколов) невербальных следственных и судебных действий. Тогда как в части собирания других средств доказывания: вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также активно используемых в правоприменительной практике результатов оперативно-разыскной и административной деятельности органов исполнительной власти – шейферовская концепция оказалась неприемлемой. Указанные предметы или документы возникают вне уголовно-процессуальных правоотношений, создаются не посредством каких-то предусмотренных УПК РФ познавательно-удостоверительных манипуляций, следовательно, никакому процессуальному формированию не подлежат и подлежать не могут.

Для большей убедительности высказанного тезиса необходимо обратить особое внимание на то, что уголовно-процессуальную форму, как и производную от нее категорию «формирование», ни в коем случае нельзя увязывать лишь с простым упоминанием в тексте УПК РФ того или иного объекта, в том числе источника полезной информации (вещественного доказательства, иного документа и пр.), периодически попадающего в зону внимания органов предварительного расследования либо суда. Хотя, к великому сожалению, именно так и рассуждают многие ученые-процессуалисты, что приводит к возникновению совершенно беспочвенных дискуссий. Уголовно-процессуальной формой надлежит признавать только установленный законом и обремененный рядом юридических гарантий порядок (совокупность процедурных условий) проведения какого-либо действия, направленного на получение (читай: на формирование) соот-

ветствующего результата, в частности нового информационного продукта [14, с. 51; 15, с. 102–103; 16, с. 16; 17, с. 75].

При этом уголовно-процессуальный закон не регламентирует и, в силу понятных причин, не должен регламентировать (!) порядок изготовления иных документов (например, исходящих от «третьих лиц» выписок, справок, характеристик и т. п.), заключений специалиста, материалов оперативно-разыскной или административной деятельности органов исполнительной власти. Еще более странным было бы встретить в тексте УПК РФ правила, определяющие порядок изготовления (говоря образно, вытачивания следователем или судьей на токарном станке) какого-либо предмета, подлежащего признанию вещественным доказательством. Другими словами, такие предметы и документы не формируются, а вводятся в уголовный процесс как уже готовые информационные продукты, то есть не в качестве «сырья» или «полуфабрикатов», а в качестве пригодных к использованию «изделий». Они поступают в орган предварительного расследования или суд посредством достаточно простых, не предполагающих сильной формализации технических способов (представления, истребования, изъятия), после чего банально приобщаются к уголовному делу либо не приобщаются – в случае невозможности или бессмысленности их дальнейшего использования в качестве доказательств [3, с. 88–92].

К слову, в своих выводах о невозможности применения шейферовской концепции формирования доказательств ко всем без исключения средствам доказывания автор настоящей статьи далеко не одинок, а имеет достаточно авторитетных научных союзников. В частности, аналогичную позицию последовательно отстаивает профессор В.А. Лазарева [18, с. 56–61; 19, с. 78–87 и др.]. Правда, для обоснования данной точки зрения она использует несколько иные и, как представляется, не вполне состоятельные доводы и аргументы, в первую очередь связывает снижение роли механизмов следственно-судебного формирования доказательств с внедрением в российский уголовный процесс

принципа состязательности, предопределяющего равные возможности сторон и допуск невластных субъектов к активному участию в собирании и представлении доказательств [20, с. 67–71]. Однако в целом выражаемый В.А. Лазаревой дифференцированный подход к алгоритмам накопления доказательств дознавателем, следователем, судом различных средств уголовно-процессуального доказывания является совершенно правильным.

Близкую по смыслу точку зрения в части использования в доказывании материалов, содержащих результаты оперативно-разыскной деятельности, можно встретить в публикациях профессора М.П. Полякова [21, с. 220], кандидата юридических наук А.Е. Вытовтова [22, с. 87] и других ученых.

Таким образом, в настоящее время в уголовно-процессуальной науке постепенно формируется обновленная концепция собирания доказательств, основанная на дифференциации алгоритмов накопления полезной информации, подлежащей дальнейшему использованию для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, и последующего обоснования правоприменительных решений. Эта концепция предполагает методологическое разграничение: а) усложненных приемов формирования новых информационных продуктов в ходе обремененной требованиями процессуальной фор-

мы собственной познавательно-удостоверительной деятельности дознавателя, следователя, суда или эксперта и б) упрощенных приемов получения и введения в уголовный процесс (процессуализации) возникающих вне уголовно-процессуальных правоотношений предметов или документов, поступающих в орган предварительного расследования или суд в состоянии фактической готовности к употреблению.

Последние, то есть упрощенные приемы работы дознавателя, следователя, суда, сводящиеся к получению и процессуализации готовых информационных продуктов (вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста, а также результатов оперативно-разыскной и административной деятельности органов исполнительной власти), как раз и выражают основной смысл того самого феномена, который в доктрине, законодательстве и правоприменительной практике принято называть приобщением доказательств. Поэтому автор настоящей статьи, вступая в полемику с С.А. Шейфером и его сторонниками, в последнее время уже неоднократно писал о существовании двух параллельных процессуальных алгоритмов: 1) формирования доказательств и 2) приобщения доказательств к уголовному делу [23, с. 99] (см. рис. 1).

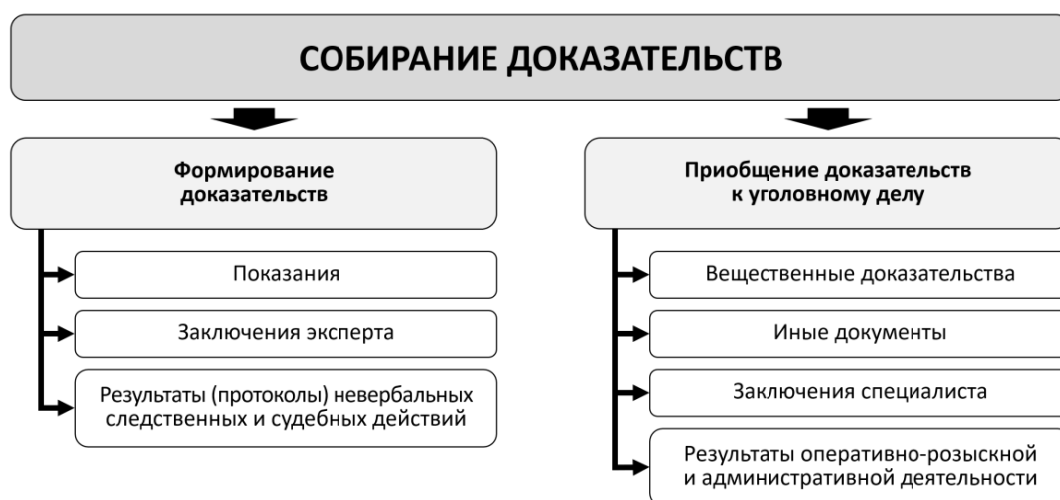

Рис. 1. Алгоритм собирания доказательств

Представляется, что предложенный дифференцированный подход к осуществлению «первого» этапа доказывания наилучшим образом демонстрирует всю легковесность и поверхностность традиционного представления о феномене приобщения доказательств к уголовному делу как о само собой разумеющемся и, на первый взгляд, очевидном для каждого фрагмента работы органов предварительного расследования и суда. Он обуславливает возможность уразумения всей глубины указанной научной проблематики, отчетливого распознавания незаметных для плохо натренированного глаза серьезных теоретических пробелов, приводящих к существенным недостаткам в нормативно-правовом регулировании правил работы с доказательствами и predeterminedенных ими грубым ошибкам, допускаемым в правоприменительной практике.

Вместе с тем этот же подход одновременно позволяет найти весьма простой и понятный ключ к решению указанных проблем. Он буквально вытаскивает на поверхность потребность в надлежащей процессуальной регламентации незаслуженно обделенных вниманием законодателя процедур приобщения к уголовному делу ряда носителей полезных сведений, попадающих в распоряжение органов предварительного расследования либо суда в качестве готовых информационных продуктов. Будучи направленным на процессуальную легализацию (на процессуализацию) представленных, истребованных, изъятых предметов или документов в целях дальнейшего использования в качестве полноценных (допустимых) средств доказывания, их приобщение к уголовному делу никоим образом не может толковаться как совокупность сугубо технических приемов, состоящих в подшивании документов или помещении предметов в специально оборудованную камеру хранения вещественных доказательств. Приобщение доказательств надлежит рассматривать не иначе как одну из форм реализации дискреционных полномочий властных участников уголовного судопроизводства, обуславливающих наделение соответствующих объектов

юридической силой и способностью к употреблению для обоснования приговоров либо других правоприменительных актов. Именно посредством рационального использования таких государственно-властных полномочий возникшие вне уголовно-процессуальных отношений и затем оказавшиеся «на столе» у дознавателя, следователя или судьи готовые информационные продукты подлежат введению в требуемое юридическое состояние – в статус полноценных доказательств (вещественных доказательств, иных документов, заключений специалиста и т. д.).

Сказанное в очередной раз подтверждает ущербность целого ряда законодательных конструкций и формулировок, предрасполагающих к толкованию феномена приобщения доказательств как сугубо технического приема, сводящегося к подшиванию соответствующих документов к материалам уголовного дела. Причем, как уже отмечалось ранее, наибольшее количество вопросов вызывает вообще не имеющий никакой правовой основы «механизм» приобщения к делу документальных источников информации (иных документов, заключений специалиста, результатов оперативно-разыскной или административной деятельности) в ходе досудебного производства. В этой связи складывается весьма парадоксальная ситуация: в соответствии с действующим законодательством все указанные документы вводятся в уголовный процесс, признаются полноценными и пригодными для использования по назначению средствами доказывания лишь по факту их технического включения в общий массив материалов следственного делопроизводства. Для возникновения любого подобного доказательства дознавателю или следователю нет надобности выполнять какие-то процедурные требования, как это установлено применительно к формированию гипнотически равных с ними по юридической силе показаний, экспертных заключений, результатов (протоколов) невербальных следственных действий. Достаточно, вооружившись иголкой с ниткой, подшить поступивший документ к соответствующему тому уголовного дела либо вооб-

ще поручить проведение этой нехитрой операции студенту-практиканту, осваивающему прикладные навыки будущей профессии.

Для досудебного производства предусмотрены лишь порядок признания предмета вещественным доказательством и его приобщения к уголовному делу путем осмотра и вынесения соответствующего постановления. Однако ввиду отсутствия данных алгоритмов в части работы с иными документами, заключениями специалиста, результатами оперативно-разыскной и административной деятельности причины появления такой процедуры для вещественных доказательств вряд ли стоит увязывать с неким «прозрением» законодателя, почему-то осознавшего потребность в формализации порядка приобщения к уголовному делу лишь одной разновидности носителей информации, возникающих вне уголовно-процессуальных правоотношений и поступающих в распоряжение дознавателя или следователя в готовом виде. По всей вероятности, нормативная регламентация порядка признания предметов вещественными доказательствами и их приобщения к уголовному делу была вызвана несколько иной причиной – «вещным», то есть небумажным, характером соответствующих объектов, обуславливающим необходимость особого правового режима их хранения (ст. 82 УПК РФ), предупрежденного банальной невозможностью подшивания подавляющего большинства таких предметов к материалам следственного или судебного делопроизводства. По крайней мере, на эту мысль наводят не выдерживающие никакой критики, искажающие весь смысл дифференциации средств уголовно-процессуального доказывания правовые предписания о приобщении к уголовному делу в качестве вещественных доказательств материалов контроля и записи переговоров (ч. 8 ст. 186 УПК РФ), а также информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами (ч. 6 ст. 186.1 УПК РФ) – еще одной группы носителей информации, нуждающихся в особых условиях хранения [3, с. 335–337].

Таким образом, категорию «приобщение доказательств к уголовному делу» никоим

образом нельзя толковать как сугубо технический прием, сводящийся к включению представленных, истребованных или изъятых предметов или документов в общий массив следственного или судебного делопроизводства. Подобный подход приводит лишь к извращению смысла публичных правоотношений, обесценивает значение уголовно-процессуальной формы и гарантии юридической доброкачественности отдельных доказательств.

Приобщение доказательств к уголовному делу – более простой, свободный по сравнению с механизмом формирования (по сравнению со следственными и судебными действиями, судебными экспертизами), не предполагающий столь жесткой формализации, но при этом не менее важный правовой способ реализации государственно-властных юрисдикционных полномочий органов предварительного расследования и суда, направленный на расширение доказательственной базы посредством юридического введения в досудебное или судебное производство новых источников полезной информации. Другими словами, под приобщением доказательств к уголовному делу надлежит понимать некую упрощенную процедуру, состоящую в процессуальной легализации (в процессуализации) возникающих вне уголовно-процессуальных отношений готовых информационных продуктов в целях их формального (!) признания полноценными средствами доказывания, наделенными должной юридической силой, обладающими необходимыми свойствами и пригодными к дальнейшему использованию для обоснования приговоров либо иных правоприменительных актов, то есть сводящуюся к введению представленного, истребованного либо изъятого предмета или документа в требуемое правовое состояние – в статус вещественного доказательства, иного документа, заключения специалиста, а также результата оперативно-разыскной или административной деятельности.

3. Порядок приобщения доказательств к уголовному делу. В силу простоты и очевид-

ности указанной процедуры законодателю вряд ли потребуются инициировать какие-то серьезные научные изыскания и обсуждения, направленные на выработку и апробацию соответствующих процессуальных механизмов. Унифицированный алгоритм приобщения доказательств к уголовному делу может быть сформирован на основе уже существующих правил процессуальной легализации вещественных доказательств (ч. 2 ст. 81 УПК РФ) и документов, полученных в ходе судебного заседания (ст. 286 УПК РФ).

Как неоднократно отмечалось ранее, в настоящее время наиболее четкими и понятными представляются именно правила работы дознавателя, следователя, суда с предметами, подлежащими введению в уголовный процесс в качестве вещественных доказательств, которые сводятся к их осмотру и вынесению соответствующего государственного-властного акта – постановления или определения, признающего их полноценными средствами доказывания и наделяющего их должной юридической силой. Вместе с тем для этих правил свойственна явная законодательная ошибка, выраженная в предписании проводить осмотр любого предмета, подлежащего признанию вещественным доказательством (ч. 2 ст. 81 УПК РФ). И такой ошибке есть вполне понятное объяснение: по всей вероятности, авторы УПК РФ просто запутались в уголовно-процессуальной терминологии – перепутали осмотр как следственное (судебное) действие с неким не нуждающимся в четкой законодательной регламентации визуальным обследованием предмета в целях выявления его внешних признаков и свойств [3, с. 274–277].

В этой части более рациональными являются правила, установленные для приобщения к уголовному делу документов в ходе судебного заседания (ст. 286 УПК РФ), пред-

полагающие не осмотр, а всего лишь их исследование. Однако данный алгоритм тоже далеко не совершенен. Во-первых, законодатель почему-то не конкретизирует, какие именно документы и в каком качестве подлежат приобщению к уголовному делу, что вызывает правовую неопределенность и приводит к безразборному смешению различных по характеру и содержанию информационных продуктов, в том числе средств доказывания, в общий массив. А во-вторых, по смыслу закона судебное исследование всех подобных объектов надлежит проводить уже после вынесения решения об их приобщении к уголовному делу. Иными словами, законодатель предписывает суду вводить представленные или истребованные документы в уголовный процесс, в частности признавать их полноценными средствами доказывания, без надлежащего исследования – фактически как кота в мешке.

На основании изложенного унифицированный алгоритм приобщения доказательств к уголовному делу (см. рис. 2) наиболее разумно сводить к порядку, включающему:

а) поступление некоего предмета или документа как носителя полезной информации в орган предварительного расследования или суд;

б) его надлежащее исследование, проверку и оценку на предмет фактической и юридической пригодности для использования по назначению;

в) издание государственного-властного акта о его официальном признании полноценным, наделенным должной юридической силой конкретным средством доказывания (вещественным доказательством, иным документом, заключением специалиста, результатом оперативно-разыскной или административной деятельности) и формальном введении в уголовный процесс, то есть о приобщении к уголовному делу в узком смысле.

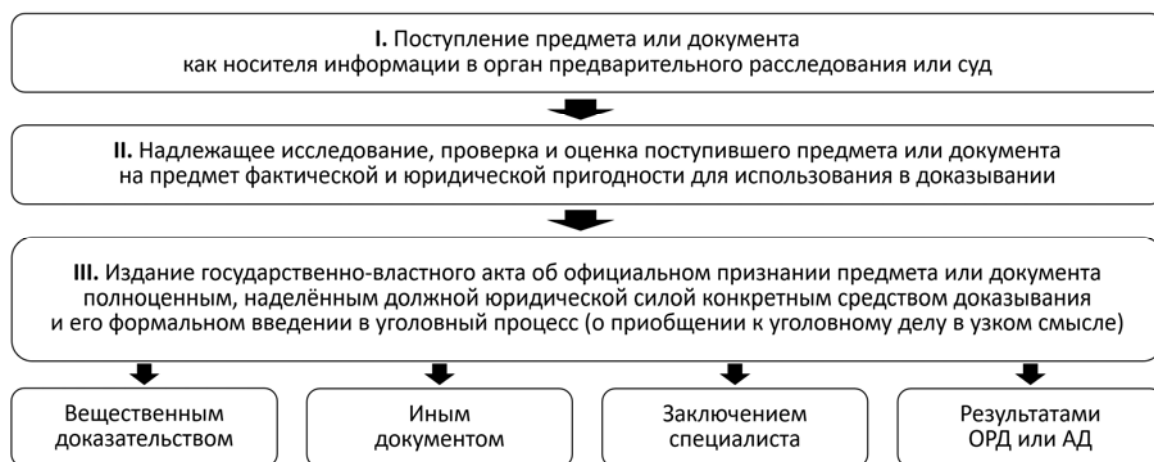

Рис. 2. Унифицированный алгоритм приобщения доказательств к уголовному делу

Так, поступление предмета или документа в орган предварительного расследования либо суд (говоря образно, попадание на стол к следователю либо судье) надлежит увязывать с результатами представления, истребования или изъятия – сугубо технических приемов собирания потенциальных средств доказывания, предполагающих гораздо меньшую степень формализации по сравнению со следственными (судебными) действиями и судебными экспертизами как способами формирования доказательств¹.

Будучи полученным дознавателем, следователем либо судом, каждый подобный предмет или документ подлежит достаточно полному, всестороннему и объективному исследованию, проверке и оценке в целях определения его полезных свойств, обуславливающих возможность и целесообразность его включения в общую доказательственную массу как автономного информационного ресурса, предрасположенного к использованию для установления обстоятельств уголовного дела и обоснования приговора или иного правоприменительного

решения. Результаты таких исследования, проверки и оценки как раз и предопределяют необходимость официального признания поступившего объекта полноценным, обладающим должной юридической силой средством доказывания и его формального введения в уголовный процесс. Поэтому указанные действия дознавателя, следователя, суда должны носить предварительный характер – осуществляться не после (как это, в частности, установлено в ст. 286 УПК РФ), а до вынесения соответствующего решения.

Сказанное ни в коей мере не исключает возможность дальнейших исследования, проверки и оценки подобных объектов в ходе последующего досудебного и судебного производства. В конце концов, и исследование, и проверка, и оценка доказательств – это операции, присущие подавляющему большинству этапов уголовно-процессуальной деятельности, определяющие сам смысл соответствующих правоотношений. Каждое вещественное доказательство, иной документ, заключение специалиста и т. д. после приобщения к уголовному делу может еще неоднократно попадать в зону внимания дознавателя, следователя и, в особенности, суда, обремененного обязанностью непосредственного исследования (ст. 240 УПК РФ), собственной проверки (ст. 87 УПК РФ) и оценки (ст. 17 УПК РФ) всех доказательств, подлежащих ис-

¹ Подробное рассмотрение проблем, сопутствующих представлению, истребованию или изъятию предметов и документов, не входит в предмет настоящей статьи. Этим проблемам посвящены другие публикации автора [3, с. 370–404 и др.].

пользованию для обоснования приговоров или иных правоприменительных актов. Однако, вопреки расхожему мнению о недопустимости нарушения установленной ст. 85 УПК РФ последовательности этапов доказывания, начинать такие операции надлежит еще до завершения процедуры собирания любого из указанных объектов посредством его приобщения к уголовному делу. В противном случае решение о его официальном признании средством доказывания и введении в уголовный процесс не будет соответствовать критерию обоснованности и превратится в пустую формальность.

Кстати, наибольшее количество вопросов вызывает феномен исследования предполагаемых к признанию доказательствами предметов и документов. Ведь исследование – элемент познавательной деятельности, который почему-то вообще не нашел отражения в вытекающей из ст. 85 УПК РФ трехзвенной «формулы» доказывания: «собрание → проверка → оценка». Кстати, по всей вероятности, с этим связано и упомянутое ранее ошибочное нормативное предписание об осмотре любого предмета, подлежащего признанию вещественным доказательством (ч. 2 ст. 81 УПК РФ): если бы законодатель обязал не осматривать (не проводить осмотр), а именно исследовать соответствующие объекты, в том числе посредством использования схожих с осмотром методов визуального восприятия неких фрагментов объективной реальности, все бы стало на свои места.

В публикациях автора настоящей статьи неоднократно обращалось внимание на то, что исследование доказательств – необходимый атрибут доказывания, требующий гораздо большего внимания со стороны законодателя, подобно тому как этот вопрос решен в уголовно-процессуальных кодексах ряда государств, возникших на постсоветском пространстве [24, с. 43–45]. Правда, находящая воплощение в положениях гл. 37 УПК РФ потребность в четкой формализации соответствующих познавательных приемов существует лишь в части судебного следствия, обремененного условиями устности,

гласности, состязательности и другими важнейшими гарантиями правосудия, тогда как в части досудебного производства, а также некоторых иных форм реализации судебной власти (например, во время нахождения суда в совещательной комнате, в ходе рассмотрения судьей кассационной или надзорной жалобы и пр.) такая деятельность сводится не более чем к визуальному восприятию предметов либо прочтению «про себя» документов, поэтому может проводиться в более свободном и, в силу понятных причин, не требующем столь жесткой формализации режиме. Вместе с тем полностью пренебрегать феноменом исследования, в том числе не принимать его во внимание при формировании унифицированного алгоритма приобщения доказательств к уголовному делу – значит опровергать не зависящие ни от каких юридических правил законы гносеологии и основанные на них механизмы восприятия человеком объективной реальности.

Издание специального государственного властного акта – постановления дознавателя или следователя, постановления или определения суда об официальном признании поступившего предмета либо документа средством доказывания и его формальном включении в уголовное судопроизводство – важнейший атрибут процедуры приобщения доказательств к уголовному делу. Необходимость вынесения подобного процессуального решения предопределяется возникновением любого подобного объекта вне уголовно-процессуальных отношений, его поступлением в орган предварительного расследования или суд как готового информационного продукта и, следовательно, потребностью в его введении в надлежащее юридическое состояние – в статус одного из доказательств. Как уже отмечалось, такой порядок полностью соответствует общим принципам публично-правового регулирования, согласно которым новые юридические состояния (процессуальные статусы) могут устанавливаться, а существующие – изменяться либо прекращаться только посредством властных велений государственных органов, должностных лиц или иных уполномо-

ченных субъектов в первую очередь путем издания специальных распорядительных актов-решений, в частности органов дознания, предварительного следствия и суда¹.

Поэтому представленные, истребованные, изъятые предметы или документы могут вводиться в сферу уголовно-процессуального регулирования как полноценные средства доказывания, приобретать должную юридическую силу и становиться в один ряд с результатами следственных либо судебных действий и судебных экспертиз, то есть из доказательств потенциальных превращаться в доказательства реальные, допустимые, пригодные к использованию по назначению, только посредством издания специального следственного или судебного акта – постановления дознавателя, следователя, постановления либо определения суда об их признании вещественными доказательствами, иными документами, заключениями специалиста, результатами оперативно-разыскной или административной деятельности соответственно и приобщении к уголовному делу.

Заключение. В завершение представляется разумным сформулировать основные выводы, predetermined результатами научных изысканий автора, изложенных в настоящей статье.

Под приобщением доказательств к уголовному делу надлежит понимать не технический прием, состоящий в подшивании документов к материалам досудебного или судебного делопроизводства, а полноценный юридический механизм реализации юрисдикционных полномочий органов дознания, предварительного следствия или суда. Этот механизм сводится к более простой по сравнению со следственными (судебными) действиями и судебными экспертизами процедуре, состоящей в процессуальной легализации (процессуализации) возникающих вне уголовно-процессуальных отношений готовых информационных продуктов в целях их формального (!) признания полноценными средствами доказы-

вания, наделенными должной юридической силой, обладающими необходимыми свойствами и пригодными к дальнейшему использованию для обоснования приговоров либо иных правоприменительных актов, то есть во введении представленного, истребованного либо изъятого предмета или документа в требуемое правовое состояние – в статус вещественного доказательства, иного документа, заключения специалиста, а также результата оперативно-разыскной или административной деятельности.

Для осуществления такой процедуры надлежит установить унифицированный правовой алгоритм, включающий: а) поступление некоего предмета или документа как носителя полезной информации в орган предварительного расследования или суд; б) его надлежащее исследование, проверку и оценку на предмет фактической и юридической пригодности для использования по назначению; в) издание государственно-властного акта о его официальном признании полноценным, наделенным должной юридической силой конкретным средством доказывания (вещественным доказательством, иным документом, заключением специалиста, результатом оперативно-разыскной или административной деятельности) и его формальное введение в уголовный процесс, то есть о приобщении к уголовному делу в узком смысле.

В этой связи остается лишь выразить надежду на то, что результаты научных исследований автора рано или поздно все-таки будут восприняты законодателем, вследствие чего феномен приобщения доказательств к уголовному делу обзаведется надлежащей правовой базой и займет достойное место в общей системе объектов уголовно-процессуального регулирования.

Список источников

1. Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-разыскной деятельности требует окончательного разрешения / С.Б. Россинский // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – С. 70–84.

¹ П.А. Лупинская справедливо расценивала такие акты-решения как типичные юридические факты публично-правового характера [25, с. 23].

2. Россинский Б.В. Результаты административной деятельности как доказательства по уголовному делу / Б.В. Россинский, С.Б. Россинский // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2018. – Т. 9, вып. 3. – С. 310–329.
3. Россинский С.Б. Досудебное производство: сущность и способы собирания доказательств : монография / С.Б. Россинский. – Москва : Норма, 2021. – 408 с.
4. Шейфер С.А. Досудебное производство в России: этапы развития следственной, судебной и прокурорской власти: монография / С.А. Шейфер. – Москва : Норма, 2013. – 192 с.
5. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : монография / А.В. Миликова, С.Б. Россинский. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 160 с.
6. Каз Ц.М. Доказательства в советском уголовном процессе : монография / Ц.М. Каз. – Саратов : Саратовский госуниверситет, 1960. – 108 с.
7. Дорохов В.Я. Понятие доказательств в советском уголовном процессе / В.Я. Дорохов // Советское государство и право. – 1964. – № 9. – С. 108–117.
8. Шейфер С.А. Сущность и способы собирания доказательств в советском уголовном процессе : учебное пособие / С.А. Шейфер ; отв. ред. П.А. Лупинская. – Москва : ВЮЗИ, 1972. – 130 с.
9. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма: монография / С.А. Шейфер. – Москва : Юрлитинформ, 2001. – 208 с.
10. Шейфер С.А. Доказательства и доказывание по уголовным делам: проблемы теории и правового регулирования : монография / С.А. Шейфер. – Москва : Норма, 2008. – 240 с.
11. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / А.В. Победкин. – Москва, 2005. – 464 с.
12. Доля Е.А. Формирование доказательств на основе результатов оперативно-розыскной деятельности : монография / Е.А. Доля. – Москва : Проспект, 2009. – 73 с.
13. Россинский С.Б. Сущность результатов невербальных следственных и судебных действий как доказательств по уголовному делу / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2013. – № 9. – С. 85–91.
14. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса : в 2 т. / М.С. Строгович. – Москва : Наука, 1968. – Т. 1. – 470 с.
15. Шпилев В.Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства: монография / В.Н. Шпилев. – Минск: БГУ, 1974. – 144 с.
16. Алексеева Л.Б. Советский уголовно-процессуальный закон и проблемы его эффективности: монография / Л.Б. Алексеева, А.М. Ларин, М.С. Строгович ; отв. ред. В.М. Савицкий. – Москва : Наука, 1979. – 319 с.
17. Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма: сущность, проблемы, тенденции и перспективы развития / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2020. – Т. 15, № 9 (118). – С. 67–79.
18. Лазарева В.А. Доказательство как категория уголовно-процессуального права: новые (старые) подходы / В.А. Лазарева // Legal Concept (Правовая парадигма). – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 55–62.
19. Лазарева В.А. Собираение или формирование? Продолжаем дискуссию / В.А. Лазарева // Судебная власть и уголовный процесс. – 2021. – № 1. – С. 78–87.
20. Россинский С.Б. Позицию профессора В.А. Лазаревой о собирании доказательств в целом можно поддержать, но... / С.Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2021. – Т. 7, № 3. – С. 66–72.
21. Поляков М.П. Уголовно-процессуальная интерпретация результатов оперативно-розыскной деятельности: монография / М.П. Поляков. – Нижний Новгород : Нижегородская правовая академия, 2001. – 260 с.
22. Вытовтов А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / А.Е. Вытовтов. – Иркутск, 2020. – 221 с.
23. Россинский С.Б. Собираение доказательств как «первый» этап доказывания по уголовному делу / С.Б. Россинский // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 3. – С. 91–103.
24. Россинский С.Б. О структуре уголовно-процессуального доказывания / С.Б. Россинский // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2017. – № 5. – С. 39–50.
25. Лупинская П.А. Решения в уголовном судопроизводстве: теория, законодательство, практика / П.А. Лупинская. – 2-е изд. – Москва : Норма, 2010. – 238 с.

References

1. Rossinsky S.B. The problem of using the results of criminal intelligence and surveillance operations should be finally resolved. *Lex Russica*, 2018, no. 10 (143), pp. 70–84. (In Russian).
2. Rossinskiy B.V., Rossinskiy S.B. Results of administrative activities as evidence in a criminal case. *Vestnik Sankt-Petersburgskogo universiteta. Pravo = Vestnik of Saint Petersburg University. Law*, 2018, vol. 9, iss. 3, pp. 310–329. (In Russian).
3. Rossinskiy S.B. *Dosudebnoe proizvodstvo: sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv* [Pre-trial proceedings: essence and methods of collecting evidence]. Moscow, Norma Publ., 2021. 408 p.
4. Sheifer S.A. *Dosudebnoe proizvodstvo v Rossii: etapy razvitiya sledstvennoj, sudebnoj i prokurorskoj vlasti* [Pre-trial proceedings in Russia: stages of development of investigative, judicial and prosecutorial authorities]. Moscow, Norma Publ., 2013. 192 p.
5. Milikova A.V., Rossinskiy S.B. *Ugolovno-proces-sual'nye akty organov predvaritel'nogo sledstviya* [Criminal procedural acts of preliminary investigation bodies]. Moscow, YurLitinform Publ., 2021. 160 p.
6. Kaz Ts.M. *Dokazatel'stva v sovetskom ugovolnom processe* [Evidence in the Soviet criminal process]. Saratov State University, 1960. 108 p.

7. Dorokhov V.Ya. The concept of evidence in the Soviet criminal process. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1964, no. 9, pp. 108–117. (In Russian).
8. Sheifer S.A.; Lupinskaya P.A. (ed.). *Sushchnost' i sposoby sobiraniya dokazatel'stv v sovetskom ugovnom processe* [Essence and methods of collecting evidence in the Soviet criminal process]. All-Union Correspondence Law Institute, 1972. 130 p.
9. Sheifer S.A. *Sledstvennye dejstviya. Sistema i processual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow, Yurlitinform Publ., 2001. 208 p.
10. Sheifer S.A. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po ugovnom delam: problemy teorii i pravovogo regulirovaniya* [Evidence and proof in criminal cases: problems of theory and legal regulation]. Moscow, Norma Publ., 2008. 240 p.
11. Pobedkin A.V. *Teoriya i metodologiya ispol'zovaniya verbal'noj informacii v ugovno-processual'nom dokazyvanii. Dokt. Diss.* [Theory and methodology of using verbal information in criminal procedure evidence. Doct. Diss.]. Moscow, 2005. 464 p.
12. Dolya E.A. *Formirovanie dokazatel'stv na osnove rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatelnosti* [Formation of evidence based on the results of operational-search activity]. Moscow, Prospekt Publ., 2009. 73 p.
13. Rossinskiy S.B. The essence of the results of non-verbal investigative and judicial action as evidence in a criminal case. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Russian Laws: Experience, Analysis, Practice*, 2013, no. 9, pp. 85–91. (In Russian).
14. Strogovich M.S. *Kurs sovetskogo ugovnogo processa* [The course of the Soviet criminal process]. Moscow, Nauka Publ., 1968. Vol. 1. 470 p.
15. Shpilev V.N. *Soderzhanie i formy ugovnogo sudoproizvodstva* [The content and forms of criminal proceedings]. Belarusian State University, 1974. 144 p.
16. Alekseeva L.B., Larin A.M., Strogovich M.S.; Savitsky V.M. (ed.). *Sovetskij ugovno-processual'nyj zakon i problemy ego effektivnosti* [Soviet criminal procedure law and problems of its effectiveness]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 319 p.
17. Rossinskiy S.B. A criminal-procedural form: essence, problems, trends and prospects of development. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2020, vol. 15, no. 9 (118), pp. 67–79. (In Russian).
18. Lazareva V.A. Evidence as a category of criminal procedure law: new (old) approaches. *Pravovaya paradigma = Legal Concept*, 2019, vol. 18, no. 2, pp. 55–62. (In Russian).
19. Lazareva V.A. Collecting or forming? We continue the discussion. *Sudebnaya vlast' i ugovnyj process = Judicial Authority and Criminal Process*, 2021, no. 1, pp. 78–87. (In Russian).
20. Rossinskiy S.B. The position of professor V.A. Lazareva on the collection of evidence in general can be supported, but... *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2021, vol. 7, no. 3, pp. 66–72. (In Russian).
21. Polyakov M.P. *Ugovno-processual'naya interpretaciya rezul'tatov operativno-rozysknoj deyatelnosti* [Criminal procedural interpretation of the results of operational-search activities]. Nizhny Novgorod Law Academy, 2001. 260 p.
22. Vytovtov A.E. *Rezul'taty operativno-rozysknoj deyatelnosti kak sredstva dokazyvaniya v ugovnom sudoproizvodstve (po materialam ugovnyh del ekonomicheskoj napravlenosti). Kand. Diss.* [The results of operational-search activity as a means of proof in criminal proceedings (based on materials of economic criminal cases). Cand. Diss.]. Irkutsk, 2020. 221 p.
23. Rossinskiy S.B. Gathering evidence as a «first» stage of proving in a criminal case. *Yuridicheskij vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 3, pp. 91–103. (In Russian).
24. Rossinskiy S.B. About the structure working with forensic evidence in the criminal procedure. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika = Russian laws: Experience, Analysis, Practice*, 2017, no. 5, pp. 39–50. (In Russian).
25. Lupinskaya P.A. *Resheniya v ugovnom sudoproizvodstve: teoriya, zakonodatel'stvo, praktika* [Decisions in criminal proceedings: theory, legislation, practice]. 2nd ed. Moscow, Norma Publ., 2010. 238 p.

Информация об авторе

Россинский Сергей Борисович – доктор юридических наук, главный научный сотрудник Сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук.

Information about the Author

Rossinsky Sergey Borisovich – Doctor of Law, Chief Researcher of the Sector of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences.

Статья поступила в редакцию 03.04.2022; одобрена после рецензирования 20.04.2022; принята к публикации 21.04.2022.

The article was submitted 03.04.2022; approved after reviewing 20.04.2022; accepted for publication 21.04.2022.